

Институт
Современного
Развития

Игорь Юргенс

***Российская эмиграция и Европа:
из прошлого, в настоящем, для будущего***

октябрь

2018

Активная внешняя политика в 2010-е годы сделала Россию заметной для широкой общественности Запада. Сделала она заметной и русскую диаспору западных государств, их русскоязычное население. Но до сих пор нет ясного понимания, какова роль русской диаспоры в политической жизни, какова может быть эта роль, что есть сама русская диаспора как политический субъект. Много страхов и мифов, а трезвого и детального анализа пока не хватает.

С 1990-х годов российская власть постоянно говорит о «русском мире» как о предмете своей защиты и как о возможном инструменте влияния, но конкретизируется и то, и другое крайне редко. Само понимание «русского мира», как его формулирует Москва, скорее поэтическое, чем практико-политическое.

Президент В. Путин, открывая Всемирный конгресс соотечественников в 2001 году, обращался к проживающим за пределами Российской Федерации «десяткам миллионов людей, говорящих, думающих, а, может быть — что еще важнее, — чувствующих по-русски». Что значит «чувствовать по-русски»? Можно ли чувствовать по-русски, думая на другом языке? Конечно, на такие вопросы можно отвечать. И лирически, и научнообразно. Но в плоскость государственной политики эти ответы перевести сложновато.

Неудивительно, что тот же оратор тогда же был вынужден признать — «современная российская диаспора по своему социальному, национальному и религиозному составу очень разнородна»¹. И правда, — это, кажется, единственная диаспора в мире, отличающаяся таким многообразием по трём обозначенным характеристикам.

И по множеству других признаков она также неоднородна и разрознена. Собственно, ученые обычно отказываются говорить о ней как о диаспоре, ограничиваясь термином «русскоговорящие сообщества». Вместе с тем, все эти сообщества в той или иной степени укоренены в русской культуре — в том числе, политической культуре. Их отношение к странам Запада, к Европе, к своему нынешнему дому, их самоопределение внутри европейской политической жизни определяется и отношениями России с Европой, и тем

¹ Выступление В. Путина на открытии Конгресса соотечественников. — Kremlin.ru, 11 октября 2001 года; <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21359>

отношением к Европе, которое складывалось в России на протяжении всей нашей общей истории.

Вся история Российского государства — это история борьбы двух идентичностей, европейской и, скажем, самобытной. Последнюю в разные времена определяли по-разному, как азиатскую, евразийскую или, например, «скифскую». Но весь смысл её именно в том, что она неевропейская.

У России действительно всегда была своя специфика, и географическая, и историческая. Само государство и экономический строй формировались в России не совсем по-европейски, — притом, что и тут с европейскими институтами у нас всегда было много общего. Не говоря уже про европейский русский быт, — зачастую очень бедный, отсталый, но европейский. Не говоря про европейскую русскую культуру, — в чём-то, да, периферийную, а в чём-то и передовую.

Управлять Россией по-европейски было не всегда удобно. Екатерина Великая всходила на престол с конспектами, в которых значилось «Свобода, душа всего на свете, без тебя всё мертво... Власть без доверенности народа ничего не значит». А на исходе правления она же выражалась совсем иначе. «Столь великая империя, как Россия, погибла бы, если бы в ней установлен был иной образ правления, чем деспотический, потому что только он один может с необходимой скоростью пособить в нуждах отдаленных губерний, всякая же иная форма парализует своей волокитой деятельность, дающую всему жизнь». Но и неевропейское управление в итоге до добра не доводило. Конспекты Александра II составлялись в реакционные, николаевские времена. Однако это не помешало ему возглавить Великие реформы. Потому что необходимость европейского поворота стала слишком очевидной.

«Европа ли Россия?» — вопрос из разряда «что делать?» и «быть или не быть?» Можно и нужно всю жизнь отвечать на него — но окончательного ответа ждать не приходится. И всё-таки параллельными курсами Россия всегда шла именно с Европой. Иногда сворачивала — в сторону от Европы, иногда отставала — от Европы. В XX веке стала территорией грандиозного исторического эксперимента, тоже вполне европейского по своей природе.

Конечно, смоленские крестьяне во времена Ивана Грозного не думали про идентичности, а просто бежали в Литву, когда их пытались окончательно закрепить на родной земле. И крестьяне Литвы, кстати, через сто лет бежали на восток от такой же беды. Но и позднее, в Новое время русский человек, искавший лучшей жизни за пределами собственной страны,

неизменно шёл на Запад. Запад был ему в общем понятен и не чужд. На Востоке можно было искать райскую землю, Беловодье. А земная альтернатива прозябанию, личной несвободе, экономической мобилизации или автократии всегда была на Западе.

Единственным историческим направлением эмиграции до начала XIX века оставалось западное. На юге и востоке была враждебная среда. Туда — поглощая её — двигалось само Русское государство.

Распространено мнение, что эмиграция — достаточно новое явление для России. Сколько-нибудь массовый выезд на жительство за рубеж затруднялся как жесткими ограничениями со стороны власти, так и широкими возможностями для внутренней миграции в постоянно расширяющемся и малонаселенном государстве.

Тем не менее, эмиграция всегда имела место — экономическая, религиозная, а также эмиграция элит. Последняя — в первую очередь, политическая, в поисках безопасности или материальных выгод, однако была и «ценностная». Все знают историю князя Курбского, но в те же времена покинул Россию и первопечатник Иван Фёдоров. Посчитавший Москву с ее «завистью и ненавистью начальников и священноначальников» неудобной для своего дела и последние двадцать лет жизни благополучно работавший во Львове.

Государство всегда противодействовало эмиграции, рассматривая её как вызов безопасности (что касается бегства элит и религиозной эмиграции), а также как потерю самого ценного ресурса для экстенсивного развития — человеческого (при массовой эмиграции).

М. В. Ломоносов в записке «О сохранении и размножении российского народа» ставил «живых покойников»-эмигрантов в один ряд с жертвами «болезней, несчастий и убийств». «С пограничных мест уходят люди в чужие государства, а особливо в Польшу, и тем лишается подданных Российская корона»². Ломоносов, правда, призывал удерживать человеческий ресурс без прямого насилия, «пряником». Но традиционно власть тут предпочитала кнут. Дело доходило до военных экспедиций на территории соседних государств с целью вывести крестьян обратно в Россию или для разгрома старообрядческих центров.

Русской знати было в этом отношении не проще. Георг-Адам Шлейссингер, наблюдавший Москву во времена царевны Софьи —

² М. В. Ломоносов. Избранные произведения. Т. II. М., 1986, стр. 143.

западнические, вообще говоря, времена — писал так: «Если бы ныне нашелся кто-то, имеющий охоту посетить чужие страны, то ему бы этого не позволили, а, пожалуй, еще и пригрозили бы кнутом, если бы он настаивал на выезде, желая немного осмотреть мир. Есть даже примеры, что получили кнута и были сосланы в Сибирь те люди, которые постоянно настаивали на выезде и не хотели отказаться от своего намерения»³. Конечно, в XVIII веке для дворян ситуация заметно изменилась.

А в последнее столетие перед революцией вся Россия стала постепенно открываться для выезда. Для государства эмиграция оказалась клапаном, через который хотя бы немного снималось социальное напряжение. В результате, четыре с половиной миллиона жителей страны к 1917 году навсегда покинули ее. И едва ли больше процента от этого числа были эмигранты политические. В основном покидали Россию представители национальных меньшинств — евреи, поляки. С Кавказа в ходе его «замирения» бежали целыми народами. Из пределов империи уезжали также крестьяне — русские, украинские, белорусские, литовские, и ехали теперь прежде всего в Америку.

Но и Европа русскую эмиграцию не могла не заметить. Как политическую — тех, кто, подобно Бакунину, вырвался на Запад, чтобы отдать Европе свои «юность и энергию». Так и, скажем, сезонную трудовую миграцию: в Германии накануне Первой мировой войны ежегодно находили временную работу почти 300 тысяч жителей России (70% всех иностранных рабочих в германском сельском хозяйстве)⁴.

А с 1917 по 1922 годы Россия выплеснула т. н. «первую волну эмиграции» — не менее миллиона человек, бежавших от гражданской войны, красного террора и социальных экспериментов. «Первая волна» была, на самом деле, далеко не первой. И не превосходила по численности эмиграцию предреволюционного века. Но сжатые сроки, в которые она осуществилась, сделали её значимым событием и для России, и для Запада.

Кроме того, послереволюционную эмиграцию выделяли моральная сплочённость и ощущение собственной исторической миссии в странах Европы, принявших русских беженцев. В формулировке Ивана Бунина, «есть нечто, что присваивает нам некое назначение» — «поистине, мы некий грозный знак миру и посильные борцы за вечные, божественные основы

³ Рассказ очевидца о жизни Московии конца XVII века. — «Вопросы истории», 1970, №1.

⁴ См.: В. А. Ионцев, Н. М. Лебедева, М. В. Назаров, А. В. Окорочков. Эмиграция и репатриация в России. М., 2001, стр. 319.

человеческого существования, ныне не только в России, но и всюду пошатнувшиеся»⁵. Россия, по Бунину, таким образом, не просто дала новый «урок миру», она также делегировала ему «учителей».

Большинство этих людей были подготовлены к адаптации в чужих странах благодаря высокому образовательному уровню, знанию иностранных языков. Они разделяли европейские ценности, были укоренены в европейской культуре, и предшествовавшая их жизнь связана была именно с этими ценностями и этой культурой. По мере того, как определялась бесповоротность смены власти в России, ускорялась их интеграция в европейские общества.

В первые годы после революции новая власть сама стремилась вытеснять своих врагов (и вообще «сомнительный элемент») за пределы страны. К середине 1920-х восстановилось традиционное отношение к эмиграции как к чему-то почти неприемлемому. Пересечение границ было жестко лимитировано, а контроль в этой сфере ужесточился как никогда.

Внутри страны, тем временем, мобильность только росла. Радикальное переустройство общества и экономики заставляло людей приспособляться к новым условиям. Одни сами искали лучшей участи, других сгоняли со старых мест силой. Социологи утверждают, что «в течение трех первых четвертей XX века русские были наиболее подвижным в миграционном отношении этносом СССР и одним из наиболее подвижных в мире»⁶.

Когда же государственные границы «вскрывались» внешними факторами, следовали новые «волны» эмиграции. «Вторая волна» — это так называемые «ди-пи», «перемещённые лица», во время Второй мировой войны угнанные в Германию для подневольного труда, попавшие туда в качестве военнопленных или ушедшие с отступавшими гитлеровскими войсками и избежавшие потом принудительного возвращения. Волна эта была довольно массовой — по самой распространенной оценке, около 700 тысяч человек, но собственно русских среди них немного. В подавляющем большинстве это жители балтийских стран, Западной Украины и Западной Белоруссии, ставшие советскими гражданами незадолго до того в результате передела Восточной Европы между Гитлером и Сталиным. Остальным получить легальное убежище на Западе оказалось значительно сложнее.

⁵ Миссия русской эмиграции. Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 года. В кн.: И. А. Бунин. Публицистика 1918—1953 годов. М., 2000, стр. 148.

⁶ А. Сусоколов, Ю. Арутюнян, Л. Дробижева. Этносоциология. М., 1998, стр. 96.

«Вторая волна», в отличие от предшествующей, искала приют на американском континенте. Послевоенная Европа не могла обещать этим людям ни благополучия, ни, главное, безопасности в условиях возросшего советского влияния.

В 1960-х — 1980-х годах открытие либо закрытие путей эмиграции служило для Москвы элементом внешнеполитического торга. Поэтому шла в основном репатриация; уезжали те, кого Запад в первую очередь мог и хотел требовать к себе у Москвы. «Третья волна» была по преимуществу этнической, и потому «деевропеизация» продолжилась — в пользу Соединенных Штатов и Израиля. На Европу в этом раскладе работало только возвращение российских немцев в Германию, но по-настоящему массовым оно стало к концу 1980-х годов.

Конец 80-х — начало 90-х годов прошлого века были отмечены двумя эпохальными событиями, сформировавшими современное русскоязычное зарубежье. Это, во-первых, распад СССР и, во-вторых, открытие российских границ. Право на свободный выезд из страны было закреплено законом; а фоном для этого стало кардинально изменившееся отношение к эмигрантам. Которые больше не воспринимались ни как предатели, ни как «отрезанный ломоть», чужие для России люди.

Страхи перед многомиллионным нашествием беженцев из рушащегося Советского Союза не оправдали себя. Численность пересекающих границы увеличилась на порядок, но потенциал постоянной эмиграции оказался невысоким. Сейчас за рубежами России постоянно живут примерно 2,7 млн её уроженцев (и около полутора миллионов из них сохраняют российское гражданство)⁷. Показатели, ощутимые для самой страны, но не очень значимые для остального мира. Из европейских стран только в Германии, принимавшей репатриантов и их близких родственников, сформировалось весомое русскоговорящее меньшинство. (Не говоря, конечно, о постсоветских государствах Европы.)

Русские немцы того времени, с одной стороны, достаточно хорошо интегрировались в своей новой стране, благодаря образованию и знанию языка, приобрели новые интересы (в том числе, политические интересы), с другой — сохранили советские ценности и ориентиры. История нынешнего

⁷ См. Н. Мкртчян, Ю. Флоринская. Квалифицированная миграция в России: баланс потерь и приобретений. — «Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития», №1 (62), январь 2018, стр. 16.

успеха «Альтернативы для Германии» опирается в значительной степени именно на этот феномен.

До недавнего времени 8 из 10 русских немцев голосовали за ХДС, так как именно им были благодарны за приём на исторической родине. С осознанием собственных политических интересов (и с появлением выразителей этих интересов) значительная часть поддержала правых популистов.

Похожая история — в ряде постсоветских стран, где русскоязычное меньшинство на протяжении четверти века было ущемлено в правах и рассматривалось как «тяжелое наследие советской эпохи». Права свои оно с тем или иным успехом отстаивает, интегрируется как может — но ментальную связь с советской эпохой сохраняет, потому что из этого ментального гетто его не стремятся выпускать, рассматривая как нечто внешнее и чуждое.

Россия привлекает внимание и надежды этих людей именно тогда, когда пытается брать на себя роль фантома СССР в складывающемся мировом порядке. Но их политическая повестка не навязана Москвой и не может быть навязана, это реальная местная повестка.

Показательно, что у аусзидлеров, немцев-репатриантов, нет и никогда не было собственной партии — они не хотят ещё большего обособления от остальных немецких граждан.

Эмиграция 2000-х кардинально отличается от эмиграции 1990-х. Это те люди, которые, как журналист Леонид Бершидский, «много лет дожидались, пока Россия вступит в Европу, и наконец решили вступать в неё отдельно». Потребительский рай теперь можно найти и в пределах МКАД. Но Москва не может обеспечить своим жителям качество жизни в более широком смысле — правовое государство, социальные гарантии, медицину и образование, неприкосновенность собственности, демократию, социальные лифты и так далее. И если эмиграция начала 1990-х (даже эмиграция на родину предков) была в основном экономической, то нынешняя — ценностная.

До 2012 года она была не очень заметна, затем число выезжающих на постоянное жительство за рубеж довольно резко растёт. Едут люди высокообразованные, достигшие успеха на родине и не видящие возможности этот успех развивать. Доля эмигрантов из России с высшим образованием выросла с 31% в начале нынешнего века до 47% к 2012 году⁸. Едут молодые

⁸ См. В. А. Ионцев, С. В. Рязанцев. Новые тенденции и формы эмиграции из России. — «Экономика региона», 2016, т. XII, вып. 2, стр. 499.

специалисты; по разным опросам, от трети до половины российских студентов видят своё будущее за границей. Едут ученые, предприниматели. Политическая и экономическая элита вывозит из России семьи.

Они тщательно готовятся к переезду и хорошо знают, куда едут. У них, в отличие от эмигрантов 1990-х, остаются налаженные связи с Россией — и они имеют ясное представление о внутрироссийской ситуации (не по российскому ТВ, как выехавшие в 90-х). Они не замыкаются в мире русскоязычных гетто, но свои политические задачи в стране пребывания решают, как правило, на уровне местного самоуправления, потому что задачи эти сугубо локальные.

Политические взгляды у этих людей разные; многие и по сей день обязаны благосостоянием действующему режиму: например, живут за счёт своей российской недвижимости или на коррупционные доходы. Но выбор Европы с их стороны это осознанный ценностный выбор. Европа им нужна именно такой, какая она есть (или стремится быть) — единой, открытой, устойчивой, правовой, демократической.

Именно этих людей вспоминает Москва, когда говорит не о ресурсах, а об угрозах «русского мира». Руководитель Службы внешней разведки С. Нарышкин, призывая коллег из СНГ сплотиться перед лицом «необъявленной гибридной войны», которую наверное ведет Запад против постсоветских государств, определял эту угрозу так: «в авангарде усилий по превращению эмигрантских структур в так называемые революционные ячейки стоят Великобритания, Польша, Швеция...»⁹

Таким образом, в Европе сегодня сосуществуют два «русских мира» — советско-русский мир 1990-х и постсоветский русский мир 2000-х. Их культурные корни во многом общие, их политические характеристики совершенно различны. Первый из них действительно является неким вызовом для политической стабильности. Но природа этого вызова историческая и внутриевропейская, он не инспирирован из Кремля. Популизм, евроскептицизм, ксенофобия порождаются столкновением советских ценностей (в том виде, в котором их вынесли эмигранты 1990-х и русскоязычные, отрезанные от России в результате распада СССР) и современных европейских реалий. Эти настроения возникают не на пустом месте, они порождены пороками существующего политического и социально-

⁹ Нарышкин обвинил США в ведении необъявленной гибридной войны против стран СНГ. — «Интерфакс», 19 декабря 2017 г.; <https://www.interfax.ru/world/592442>

экономического устройства. Недовольство этими пороками может нагнетаться из Москвы, но решить проблему, перекрыв каналы влияния, невозможно. Нужно внутреннее решение.

Эмиграция 2000-х — это «Европа, покидающая Россию». Это серьезный вызов для российского будущего. Европу же она может лишь укрепить — если только не будет приниматься в штыки.